

О ЗНАЧЕНИИ

П Р А К Т И К И

ВЪ СИСТЕМѢ

СОВРЕМЕННАГО

ЮРИДИЧЕСКАГО ОБРАЗОВАНІЯ,

Ордин. Проф. Императорскаго Казанскаго Университета

ДМИТРІЯ МЕЙЕРА.

Scientia facere docet, non dicere

Seneca

КАЗАНЬ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ УНИВЕРСИТЕТА.

—

1855.

**Напечатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Казанскаго
Университета, 1855 г. Мая 21 дня.**

Секретарь Совѣта В. Оксовъ.

О ЗНАЧЕНИИ
П Р А К Т И К И
ВЪ СИСТЕМѢ
СОВРЕМЕННАГО
ЮРИДИЧЕСКАГО ОБРАЗОВАНІЯ.

Совершенно справедливо признается, что произведенное Общим Уставом Императорских Россійскихъ Университетовъ преобразованіе бывшихъ Отдѣленій Нравственно - Политическихъ наукъ въ Юридическіе Факультеты составляетъ эпоху въ нашемъ общественномъ развитіи*), между прочимъ потому - что въ дѣлѣ семъ выражается мысль, что именно званіе юриста, къ которому ближайшимъ образомъ готовится юридическій факультетъ, преимущественно нуждается въ университетскомъ юридическомъ образованіи. Дѣйствительно, какъ существо дѣятельности, къ которой призванъ юристъ, такъ и чрезвычайная вліятельность ея въ обществѣ указываютъ на необходимость спеціальнаго, основательнаго приспособленія, возможнаго только въ высшемъ учебномъ заведеніи. Юристъ-практикъ является или служителемъ законодательной власти въ постоянномъ ея стремленіи прицѣплять свои опредѣленія къ развитію и потребностямъ общества, или орудіемъ власти судебной, призванной примѣнять юридическія начала непосредственно къ самой жизни, постановлять о нарушенныхъ правахъ, или представителемъ гражданъ, о правахъ которыхъ именно идетъ рѣчь. Во всѣхъ трехъ случаяхъ требуется со стороны юриста-практика ясное сознаніе юридическихъ началъ, которыми управляется общественный бытъ: съ надлежащею пользою онъ не можетъ служить законодателю, если не въ состояніи уразумѣть,

*) Какое общее образованіе требуется современностью отъ русскаго правовѣдца? Рѣчь П. Рѣдкина, 1846. Москва, стр. 1 — 3.

какъ происходятъ явленія въ юридическомъ быту, въ какомъ отношеніи къ нимъ существующее какое-либо опредѣленіе, какія начала скрываются въ учрежденіяхъ, въ какомъ видѣ и при какихъ условіяхъ допускаютъ они видоизмѣненія; судья и его сотрудники только при уразумѣніи началъ, лежащихъ въ основаніи законодательства, могутъ дать ему надлежащее примѣненіе къ представляющимъ ихъ разрѣшенію случаямъ, нерѣдко сложнымъ и запутаннымъ, недоступнымъ простому пониманію и потому именно требующимъ вмѣшательства судебной власти,—къ случаямъ, въ которыхъ повязка на глазахъ является самою нелѣпою эмблемою правосудія, а нужно утонченное изощреніе духа, употребленіе самыхъ точныхъ техническихъ пріемовъ для того, чтобы обезпечить за правосудіемъ законное его господство, тѣмъ болѣе, что во множествѣ случаевъ рѣшеніе несправедливое имѣетъ также видъ справедливаго: есть многія обстоятельства, которыя говорятъ въ пользу неправаго дѣла, и легко ими увлечься и принять ихъ за существенныя: есть же практики, которые даже считаютъ возможнымъ нѣсколько правильныхъ рѣшеній по одному и тому же дѣлу, забывая, что юридическій случай есть подлежащая рѣшенію опредѣленная задача, въ которой при извѣстныхъ данныхъ только и возможенъ одинъ исходъ: но конечно скорѣе можно успокоить понудительный голосъ справедливости, если допустить, что и такъ и сякъ онъ удовлетворяется, и скорѣе отыщется одно изъ многихъ рѣшеній нежели рѣшеніе единственное; притомъ на всѣхъ безъ исключенія въ государствѣ распространяется дѣятельность и власть суда: на знатнаго и незнатнаго, богача и бѣдняка, на образованнаго и необразованнаго человѣка: но очевидно, ожиданіямъ и довѣрію всего общества можетъ вполне соответствовать только судебное сословіе, въ которомъ самая образованность, знаніе дѣла таковы, что внушаютъ уваженіе и которое наукою приготовило себя къ высокому своему служенію. Наконецъ и добросовѣстный стряпчій не можетъ обойтись безъ науки права: онъ долженъ поставить въ распоряженіе кліента все что только говоритъ въ пользу его права и служить къ его разъясненію, но именно ученое воззрѣніе на юридическія отношенія открываетъ въ нихъ множество сторонъ, безъ него совершенно недоступныхъ; совѣсть стряпчаго только тогда можетъ быть спокойна, когда онъ сознаетъ, что имъ употреблены всѣ тѣ пособія, которыя представляетъ наука для ввѣреннаго его защищенію права; притомъ стряпчество подчиняется въ экономическомъ отношеніи общему закону совмѣстничества и потому наибольшее знаніе, образованіе, составляетъ, если не необходимое условіе успѣха, то по крайней мѣрѣ наибольшее его ручательство.

Но если юристъ-практикъ нуждается въ томъ образованіи, которое даетъ юридическій факультетъ, то съ другой стороны и сей послѣдній имѣетъ ближайшимъ образомъ назначеніе готовить юристовъ, хотя какъ извѣстно способы ихъ образованія могутъ быть различны^{*)}: а именно сверхъ учебнаго заведенія школою могутъ служить судебное мѣсто и домашняя контора стряпчаго; въ послѣднихъ двухъ случаяхъ образованіе происходитъ безъ правильной системы, безъ установленнаго плана, не представляетъ ручательства за полноту и заключается собственно лишь въ приловченіи къ производству дѣлъ, а не въ уразумѣніи началъ, проявляющихся въ юридическихъ опредѣленіяхъ и законахъ, по которымъ совершаются явленія юридического быта: этому образованію недостаетъ также литературной стороны, составляющей отличіе всякаго высшаго образованія; оно не пользуется вѣковымъ опытомъ для усовершенствованія и лишь безсознательно опирается на кое-какія преданія: оно совершенно сходно съ обычнымъ ученіемъ ремесленниковъ и лавочниковъ, недостаточность котораго впрочемъ въ наше время уже на столько ощутительна, что его стараются въ промышленныхъ странахъ вытѣснить раціональнымъ приготовленіемъ къ промысламъ: такъ торговые училища распространяются все болѣе и болѣе, заводятся школы для образованія красильщиковъ и ткачей и т. п. Если юриспруденція наука, а не ремесло, то тѣмъ менѣе можно считать эту методу изученія для нея годною, хотя бы въ ученики поступали люди, усвоившіе себѣ высшее образованіе по другой какой-либо отрасли человѣческаго вѣдѣнія, въ особенности когда они даже не сознаютъ себя учениками, а руководствуются мыслию, что общее образованіе, которое они себѣ приписываютъ, достаточно вразумить ихъ относительно успѣшнаго исполненія новыхъ обязанностей. Притомъ же обыкновенно юристъ-практикъ до того обремененъ занятіями, что у него не хватаетъ ни досуга, ни охоты, чтобы обучать новичковъ: если законъ не возлагаетъ на него такой обязанности, то едва-ли можно допустить, что онъ приметъ ее добровольно; самыя скудныя, между дѣломъ и бездѣльемъ брошенныя указанія выпадутъ на долю будущаго юриста и должны ему служить замѣною правительнаго школьнаго руководства. А между тѣмъ отъ него требуется, чтобы онъ почти съ самаго вступленія на практическое поприще былъ уже полезнымъ дѣятелемъ и отнюдь не допускается предположеніе, что его начальное невѣжество можетъ принести ущербъ успѣху дѣлопроизводства; напротивъ имѣютъ въ виду, что

^{*)} Энциклопедія Законовѣдѣнія К. Неволіна, 1839, Кіевъ, т. I, стр. 126.

его медленная работа, его промахи парализуются знаніемъ и опытностію сотрудниковъ, отъ которыхъ впрочемъ не требуется, чтобы они работали не только за себя, но и за другихъ, и что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ перевѣсъ въ судебной дѣятельности будетъ на сторонѣ людей, съ нею уже освоившихся. Легко себѣ представить, какъ убійственно-затруднительно должно быть положеніе новобранца-практика: подобно Минервѣ юриспруденція должна родиться у него готовою изъ головы, а между тѣмъ очаровательный вѣкъ греческаго міаа минулъ безвозвратно; онъ долженъ примѣнять знаніе, а оно еще имъ не пріобрѣтено.

Но представляется вопросъ: если въ самомъ дѣлѣ послѣдній способъ юридическаго образованія столь мало удовлетворяетъ раціональности и оказывается безуспѣшнымъ, то отъ чего же онъ былъ терпимъ въ теченіе столѣтій и отъ чего не вытѣсненъ онъ давнымъ-давно другимъ болѣе вѣрнымъ методомъ? Отвѣтъ заключается въ слѣдующихъ соображеніяхъ.

Право есть духовное достояніе цѣлой націи, неразрывно связанное со всѣмъ нравственнымъ ея существомъ, и вырабатывается изъ массы воззрѣній ея на отношенія людей между собою, къ вещамъ и обществу. Этимъ объясняется, почему первоначально право проявляется исключительно въ видѣ обычнаго права и высказываемыхъ судомъ юридическихъ понятій, почему оно находится первоначально въ тѣснѣйшей связи съ національнію и возмѣщеніе одного права другимъ предпринимается для ея перерожденія; этимъ же объясняется, почему всякое почти законодательство признаетъ для себя необходимымъ опираться въ своихъ опредѣленіяхъ на историческую почву*), т. е. на тѣ представленія юридическія, которыя органически, въ теченіе вѣковъ, развились изъ народной жизни и почему даже апріорическаго направленія кодификація считаетъ свое дѣло возможнымъ, не предполагая по крайней мѣрѣ разлада между собою и тѣми воззрѣніями, которыя дала сама жизнь общественная; по связи наконецъ національности съ правомъ допущено въ образованномъ мірѣ положеніе, что невѣдѣніемъ закона гражданинъ не можетъ отговариваться, когда для него должны наступить его послѣдствія, ибо составляя единицу въ общемъ составѣ государства, онъ причастенъ къ общей его жизни, которой всѣ движенія должны конечно отзываться въ сознаніи отдѣльнаго члена. Въ первобытномъ состояніи общества согласно изложеннымъ выводамъ пе

*) Обзорѣніе историческихъ свѣдѣній о Сводѣ Законовъ, 1833, Спб. стран. 63.

можетъ быть рѣчи объ изученіи права: призваніе къ его примѣненію тамъ совершенно независимо отъ условія знать право, ибо всякій его знаетъ; задача заключается только въ томъ, чтобы опредѣлить, кому принадлежитъ власть, которая служитъ примѣненію права, — власть судить и приводить судъ въ исполненіе, и естественно, что какъ скоро не затрудняетъ знаніе и нѣтъ надобности ради его ввѣрить судъ технически образованному классу людей, задача рѣшается различно, и въ однихъ государствахъ судъ — дѣло государя, въ другихъ дѣло касты, въ третьихъ дѣло вѣча, въ четвертыхъ дѣло выборныхъ людей; принимается въ соображеніе отношеніе суда къ государству, происхожденіе государства, нравственные и другія качества судей, какъ довѣренныхъ напр. лицъ государя или какъ представителей общины („люди добрые“ въ нашемъ древнемъ быту). Далѣе: по національному характеру права каждое племя дорожитъ своимъ и отстаиваетъ его, сталкиваясь и смѣшиваясь съ другими племенами. Этимъ закономъ объясняется между прочимъ усматриваемый въ средніе вѣка обычай, что и варварскіе народы, лишаясь политической самобытности, сохраняютъ свои учрежденія. По этому же закону племя, перерождающееся въ сословіе, напр. племя завоевателей, которому соотвѣтствуетъ въ послѣдствіи дворянство, удерживаетъ свое право и судится по нему, а слѣдовательно и людьми, сознанію которыхъ присуще это право, т. е. своеплеменниками; образуется судъ *равныхъ*, въ которомъ конечно также нѣтъ рѣчи объ условіи, чтобъ судья зналъ право, хотя оно содержится въ самомъ существѣ дѣла.

При дальнѣйшемъ развитіи обществъ и при прекращеніи ихъ исключительно органическаго существованія характеръ права долженъ былъ нѣсколько измѣниться и юридическія воззрѣнія народа, въ особенности выражаемыя законодательствомъ и судебною практикою, подобно всѣмъ проявленіямъ жизни, должны были подпасть господству все испытующей, все разлагающей и все воспроизводящей науки. Не мѣсто здѣсь указать, какимъ образомъ неисповѣдимое Провидѣніе связало этотъ великій цивилизаціонный процессъ съ дивными судьбами римскаго права, но несомнѣнно, что оно первое прошло чрезъ очистительное горнило науки и что уже по его примѣру и образцу стали происходить усилія возвести юридическія понятія и отношенія къ опредѣленнымъ началамъ. При нѣкоторомъ успѣхѣ этихъ попытокъ конечно и самое отправленіе суда, какъ вращающееся въ тѣхъ понятіяхъ, должно было подчиниться ихъ вліянію и вслѣдствіе того прежнее самородное знаніе судей стало оказываться конечно недостаточнымъ, возникла потребность въ изученіи права и примѣ-

пеніе его не могло уже быть регулируемо независимо отъ соображенія, приспособлено ли лицо къ судебной дѣятельности, тѣмъ болѣе, что нельзя не признать, что разработка права порождаетъ нерѣдко и въ житейскомъ отношеніи споры и недоразумѣнія, до нея неизвѣстныя: права сознаются въ большей точности и чистотѣ и возникаетъ желаніе отстоять ихъ въ такомъ видѣ; понятіе, прежде несомнѣнное, потому — что о немъ не размышляли, становится спорнымъ и вызываетъ попытку извлечь изъ придаваемого ему новаго смысла практическую пользу; точно также успѣхи врачебной науки увеличиваютъ потребность въ ея помощи. Знаніе уже не разумѣется само собою, а расходясь съ тою непосредственною причастностью къ юридическимъ понятіямъ, которая конечно по-прежнему составляетъ достояніе каждаго возрастнаго гражданина, предполагаетъ досугъ и усиліе, чтобъ быть пріобрѣтеннымъ, и должно вмѣстѣ съ тѣмъ, по непреложному для общественной жизни закону о раздѣленіи труда, пасть на долю особаго класса. Но будучи явленіемъ органическимъ въ сферѣ, въ которой развитіе допускаетъ періоды вѣковые, такое видоизмѣненіе въ свойствѣ судебной дѣятельности, разумѣется, происходитъ медленно, и долгое время конечно оно еще находится подъ вліяніемъ существующаго порядка и имъ задерживается, и даже, когда уже свершилось оно, прежнія понятія, переживши свое практическое значеніе, лишившись всякаго содержанія, продолжаютъ свое существованіе, собственно призрачное, но не чуждое всѣхъ притязаній дѣйствительной жизни^{*)}. Не забудемъ притомъ, что здѣсь идетъ рѣчь о привитіи новаго условія къ власти суда, о признаніи слѣдовательно недостаточными прежнихъ условій, при которыхъ она могла принадлежать значительнѣйшей массѣ народонаселенія; съ ограниченіями же общественное сознаніе свыкается ту же и медленно, чѣмъ съ другою новизною.

Присоединяется еще другое обстоятельство. Пробужденію юридической науки, предполагающему, какъ мы видѣли, нѣкоторый успѣхъ общественнаго развитія, предшествуетъ обыкновенно развитіе законодательной дѣятельности: потребность въ установленіи юридическаго быта такъ велика, что прежде чѣмъ наука беретъ за опредѣленія законовъ его явленій, сама обще-

^{*)} Припоминаемъ слова Игеринга въ *Geist des röm. Rechts* 1852, стр. 68, «Исторія всякаго права подтверждаетъ, что предвѣстники новой системы уже являются, когда старая держится еще во всей силѣ и что наоборотъ запоздалые слѣды послѣдней сохраняются, когда первая уже достигла полнаго господства».

ественная власть сплится по возможности выполнить эту задачу. Вместе съ тѣмъ условію, чтобы судьи усвоили себѣ юридическое образованіе, предшествуетъ другое: чтобъ они знали законы; но это знаніе само по себѣ не требуетъ въ такой степени предварительной систематической школы, какъ изученіе юридической науки: они легче заучиваются и не такъ скоро забываются при возможности примѣнять ихъ; это знаніе дѣйствительно даетъ жизнь гражданская съ своими тревогами, хлопотами и столкновѣніями каждому, не только судѣ, но оно не наука, какъ не наука напр. знахарство или крестьянское хозяйство. Между тѣмъ одно законодательство, именно римское, имѣвшее столь рѣшительное, отчасти благотѣльное, отчасти вредное вліяніе на установленіе юридическихъ понятій образованнаго міра, представляетъ по своеобразному его развитію объединеніе съ наукою, такъ что туго знаніе законовъ могло считаться и за знаніе науки права. Объясняется это, о чемъ здѣсь впрочемъ нечего распространяться, именно свойственнымъ римскому праву характеромъ интерпретаціи и включеніемъ въ Юстиніаново законодательство научныхъ трудовъ, отдѣльные результаты которыхъ обращены въ изрѣченія законодательной власти. Естественно, что съ легкой руки римскаго права и знаніе другихъ законодательствъ считали возможнымъ принимать за знаніе науки, хотя бы они и не содержали того счастливаго сочетанія элементовъ, которое обезпечило за римскимъ правомъ значеніе первенствующаго дѣятеля въ составѣ современнаго общественнаго образованія. Упускали притомъ изъ вида то различіе, вслѣдствіе котораго для изученія Юстиніанова законодательства зрѣлыхъ лѣтъ люди отрывались отъ семейныхъ и родственныхъ узъ, удалялись отъ общественныхъ дѣлъ и не жалѣя ни издержекъ, ни трудовъ, отправлялись въ дальнія страны, пріискивали себѣ годныхъ наставниковъ и, нашедши таковыхъ, нерѣдко на многіе годы связывали съ ними судьбы свои. Значитъ, было въ этомъ знаніи нѣчто такое, чего не могли и люди зрѣлые, немало извѣдавшіе, пріобрѣсти въ дѣловыхъ практическихъ занятіяхъ и, значитъ, есть знаніе, которое чрезъ нихъ не пріобрѣтается.

Наконецъ довѣренность къ чисто — практическому образованію несмотря на всю его недостаточность могла и можетъ быть поддерживаема неудовлетворительнымъ состояніемъ школьнаго приспособленія къ юридическому поприщу: не облегчая первыхъ шаговъ на немъ, не давая никакого умственнаго и нравственнаго перевѣса своимъ питомцамъ, школа могла казаться лишнею, даже вредною, въ особенности, когда по собственному же ихъ сознанію они должны были стараться забыть заученое и приступить съ - изнова къ ученію